

7. Kuznecov, P. S. (2003), *To the principles of grammar study [O principah izuchenija grammatiki]*, Moscow, 104 p.
8. Lotte, D. S. (1940), "Some basic problems of scientific and technical terms sampling and building", *News of the Academy of Sciences of the USSR* ["Nekotorye principial'nye voprosy otbora i postroeniya nauchno-tehnicheskikh terminov"], *Izvestija AN SSSR. Otdelenie tehniceskikh nauk*, No 7, pp. 9–15.
9. Superanskaja, A. V. (2007), *Theory and practice of onomasiological research [Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij]*, Moscow, 256 p.
10. Ufimceva, A. A. (1968), *The word in the lexical and semantic system of the language [Slovo v leksiko-semanticheskoi sisteme jazyka]*, Moscow, 272 p.
11. Filin, F. P. (1957), "To the problem of lexical and semantic groups of words", *Linguistic Studies* ["O leksiko-semanticheskikh gruppah slov"], *Ezikovedski issledovanija v chest na akad. Stefan Mladenov*, pp. 523–538.
12. Filin, F. P. (1982), *Essays on Linguistic Theory [Ocherki po teorii jazykoznanija]*, Moscow, 336 p.
13. Fomina, M. I. (2003), *Modern Russian Language: Lexicology [Sovremennyj russkij jazyk. Leksikologija]*, Moscow, 415 p.

Надійшла до редколегії 15.12.2016

УДК 811.161.1'42

А. Р. Габидуллина

Институт иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет» (г. Бахмут)

КАЛАМБУР В СОВРЕМЕННЫХ МОНОСТИХАХ

Рассмотрены лексико-фразеологические и семантические средства образования каламбура в современных одностихиях. Установлено, что наиболее распространенными являются приемы языковой игры, основанные на многозначности слова, омонимии, паронимии и антонимии; широко применяется трансформация фразеологизмов; актуализируется имплицитная информация, передаваемая с помощью аппликаций (реминисценций), текстовых аллюзий и эпитропов.

Ключевые слова: каламбур, полисемия, омонимия, паронимия, фразеологизм, эпитрон.

Габидулліна А. Р. м. Бахмут. *КАЛАМБУР В СУЧАСНИХ МОНОВІРШАХ*

Розкрито лексико-фразеологічні та семантичні засоби створення каламбуру в сучасних моновіршах. Встановлено, що найбільш поширеними є прийоми мовної гри, засновані на багатозначності слова, омонімії, паронимії та антонімії; широко застосовується трансформация фразеологізмів; актуалізується імпліцитна інформація, передана за допомогою аплікацій (ремінісценцій), текстових аллюзій та епітропів.

Ключові слова: каламбур, полісемія, омонімія, паронимія, фразеологізм, епітрон

Gabidullina A. R. Bakhmut. *THE PUN IN THE MODERN MONOVERSE*

The article deals with the lexical-phraseological and semantic means of the pun's formation in modern monoverse. The most common are the methods of language games which are based on the ambiguity of words, homonymy, paronomasia and antonymy. The transformation of phraseological units are widely used. The implicit information is actualized which is transmitted with the help of applications (reminiscences), text allusions and epitrops.

The purpose of the research is to study the ways of creating a pun in modern monotony. The material was the poems of definite type written by of famous authors.

Conclusions are given as a result of investigation. Researchers regard monotony as a paradoxical phenomenon, because many definitions of a verse explicitly or implicitly require the presence

of more than one line in a poetic text. Today monotonies are actively used as a genre of humor and satire, because they concentrate in themselves a witty and bright idea.

A distinctive feature of the pun as a means of creating a comic effect is the intentional creation by language means of a dual understanding of any utterance. Mobility and crossing of significances allow to create a certain, semantically fixed scheme, and the stability of the content of linguistic meaning helps to understand it. There is an intentional use of lexical and phraseological means to create a game of meanings that brings in its context a rudimentary style, a bright, fresh impression and an unconventional perception of reality.

Key words: pun, polysemy, homonymy, paronomasia, idiom, epitrop.

Исследователи рассматривают моностих как парадоксальное явление, ибо многие определения стиха явно или неявно требуют наличия в стихотворном тексте более чем одной строки (В. Бурич, М. Гаспаров, Ю. Орлицкий и др.). Однако такая теоретическая позиция вступает в противоречие с читательской интуицией: трудно поверить, что однострочный текст Владимира Вишневского «*И долго буду тем любезен я и этим...*», который мгновенно опознаваем в качестве шестистопного ямба, представляет собой ироническую трансформацию строки из знаменитого стихотворения Пушкина «Памятник», хотя сам по себе стихотворным не является. Иные специалисты, в частности Максим Шапиро, исследуя одностишные тексты, обращаются к стиховедческой концепции Юрия Тынянова, для которого главным признаком стиха были происходящие в стиховой речи под действием ритма изменения словесной семантики. Мы будем использовать оба термина – моностих и одностишие – как синонимы.

Сегодня одностишья активно применяются как жанр юмора и сатиры, поскольку концентрируют в себе остроумную и яркую мысль. Содержащийся в них каламбур привлекает внимание и позволяет оценить содержащуюся в моностихе языковую игру. Нерегулярность и уникальность подобных новообразований состоит в одновременной абсурдности и правдивости смысловых сближений.

Моностихи в качестве объекта лингвистического наблюдения практически не использовались, в то время как содержащиеся в них языковые средства позволяют раскрыть разнообразные механизмы каламбурирования, чем и определяется **актуальность** статьи, **целью** которой является изучение способов создания каламбура в современных моностихах. Материалом послужили моностихи известных авторов: Владимира Вишневского, Владимира Семенова, Кати Шофман, Натальи Резник, Натальи Хозяиновой и Ольги Арефьевой.

Анализ публикаций. Вслед за Ю. М. Скребневым, мы полагаем, что каламбур «строится на использовании смысловой многоплановости слова или выражения и представляет собой элементарную логическую ошибку... Каламбур специально предназначен для использования в юмористических целях» [6, с. 152]. Таким образом, этот прием создания языковой игры можно воспринимать как: а) реализованную возможность толковать слово или выражение неоднозначно; б) нарушение логических законов организации текста.

В каламбуре значения равноправны, отрезок текста, в котором он употреблен, всегда ориентирован на два реальных объекта действительности. Здесь значения несовместимы и связаны между собой только формально.

Названные выше признаки можно считать в каламбуре главными. Первый признак объясняет характер используемых при создании каламбура языковых средств; второй – такое взаимодействие с языковым окружением, которое ведет к алогизму. Алогизм в данном случае означает нарушение законов речевой организации высказывания лишь на формально-логическом уровне; на уровне более вы-

соком – уровне взаимодействия речевого высказывания с адресатом и с текстом в целом – такой прием способствует более полной передаче авторской мысли.

Каламбур, таким образом, это фигура речи, направленная на достижение комического эффекта, в которой одну и ту же последовательность знаков можно воспринимать сразу в нескольких значениях, что является нарушением логических законов организации текста. При использовании данного стилистического приема соблюдаются следующие условия: а) наличие в тексте слова или выражения, которое можно трактовать минимум двупланово; б) отнесенность таких слов или такой последовательности слов к одному объекту речи или к одной ситуации, развивающейся в речи. Именно тогда появляется логическая ошибка, свойственная каламбуру: один объект или ситуация высказывания соотносится адресатом с двумя объектами (ситуациями) действительности.

Каламбур представлен в виде ядра и базисного контекста. В состав ядра входят минимум два элемента, объединенные сходной фонетической (графической) формой или по смыслу и различные по содержанию. Базисный компонент рассматривается как минимальное необходимое условие реализации элементов ядра в каламбуре.

В. С. Виноградов представляет каламбур как соединение двух компонентов: лексическое основание (опорный компонент, стимулятор), позволяющий начать игру, и «перевертыш» (результат, результирующий компонент), завершающий компонент [2].

Изложение основного материала. По способу образования самым распространенным в моностихах является каламбур, основанный на многозначности слова. Его основанием становится слово или выражение, которое можно истолковать неоднозначно. Это явление в стилистике и риторике называется антанаклазой (антанакласисом), т. е. последовательным употреблением в узком контексте одного и того же слова в разных значениях [7, с. 202]. Приведем примеры. *Теперь о вечном. Вечно ты поддатый!* (Резник): реализуются два значения слова *вечный* (*вечно*) – ‘1) в течение веков, не прекращаясь, всегда; 2) постоянно, очень часто, разг.’ *Я от судьбы уйти хотела. Не судьба* (Резник): сталкиваются значения ‘доля, участь’ и ‘неудачное стечение обстоятельств’.

Наиболее интересными нам представляются каламбуры, в которых повтора нет, но обыгрываемое слово употребляется одновременно и в прямом, и в переносном значении. Это явление называется в логике эквивокацией, т. е. двусмысленностью, недоразумением, возникающим вследствие употребления какого-нибудь слова или выражения в двойном значении; вызванным многозначностью одного слова. Приведем примеры. *У нас была лишь сотовая связь* (Н. Резник) – обыгрываются значения ‘любовные отношения, сожитительство’ и ‘средства, с помощью которых осуществляется общение на расстоянии’. *Но согласись, что есть в нем лоск. Да, на локтях и на коленках* (Катя Шофман) – в узком контексте сталкиваются прямое и переносное значения слова *лоск* – ‘блеск глянцевой поверхности; глянец’ и ‘безукоризненность внешнего вида, манер’. *Он тяжело болеет. За «Спартак»* (Семенов) – ‘быть больным’ и перен. ‘остро переживать успехи и неудачи спортивной команды или отдельного спортсмена’. *Живу в глуши. Как Людвиг ван Бетховен...* (Семенов). Каламбур строится на столкновении двух значений слова *глухой*: 1) лишенный слуха; 2) удаленный от центров культурной, общественной жизни; захолустный’. *Зачем мне Ваше сердце – я сыта!* (Катя Шофман). *Стонала дама, битая валетом...* (В. Вишневский).

Одним из распространенных механизмов формирования каламбура является преобразование фразеологических единиц (ФЕ). «В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [8, с. 149]. Под трансформацией мы понимаем «любое отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [2, с. 7]. Авторские преобразования устойчивых выражений в моностихах оправданы как лингвистически, так и психологически. Трансформация расширяет границы авторской мысли, помогает проявить творческие способности, помогает выразить мысль более ярко и выпукло.

Наиболее интересным преобразованием ФЕ, на наш взгляд, является семантическое, не затрагивающее лексико-грамматическую структуру (внешнюю форму) фразеологических единиц. Нужно отметить, что определяющее значение при выявлении семантических изменений имеет контекст. Внеконтекстуально говорить о семантических трансформациях фразеологизмов невозможно. Происходит взаимодействие между двумя ФЕ в одном контексте или между ФЕ и свободным словосочетанием, когда сталкиваются или отдельные компоненты разных ФЕ, или компонент ФЕ и компонент-омоним свободного словосочетания для создания иронии, насмешки, сарказма.

Возможны разные типы семантической трансформации ФЕ: 1) переосмысление фразеологической единицы: коренное преобразование смыслового ядра, семантического стержня фразеологизма, полное изменение его смыслового содержания: *Здесь очень ценится мартышкин труд* (В. Семенов) – ФЕ «мартышкин труд», содержащий характеристику бесполезных усилий, напрасных стараний, ненужной работы, используется в прямо противоположном значении, основываясь на положительной оценке понятия *труд*; 2) преобразование фразеологической единицы по цели высказывания: – *По морде получили? Распишитесь* (В. Семенов); *Сейчас я расцитаю вам здоровье!* (В. Семенов); *Поддержите мой хвост пистолетом...* (В. Семенов); 3) буквализация ФЕ; двойная актуализация – прием совмещения двух семантических планов – фразеологического и буквального. В этом случае стилистический эффект возникает за счет взаимодействия фразеологизма с контекстом, в результате чего создается фразеологический каламбур. В моностихах наиболее часто используется именно двойная актуализация ФЕ. Контекст, поддерживающий переносное значение фразеологизма, предсказывает, прогнозирует прямое значение ФЕ, подготавливает к нему адресата: *Кто вышел из себя? Извольте-ка вернуться!* (Катя Шофман). *Чем зубы скалить, лучше их почисти!* (Катя Шофман). *Он вышел из себя. И не вернулся* (В. Семенов). *Он весь в себе... Но что-то вытирает* (Н. Хозяинова). *Начать с нуля? Пожалуйста, «02»!* (Н. Хозяинова). *Все больше старых дев, все меньше новых...* (Н. Хозяинова); *Сказал: «Смотри же у меня!», дал лупу и зарплату* (Н. Хозяинова). *В районе уха появилось чувство локтя* (В. Семенов). *Не лезь в глаза – затопчешь искру мысли...* (В. Вишневский). *Чихать хотел я на твою простуду!..* (В. Вишневский).

Среди структурно-семантических трансформаций наиболее распространенными в одностиших являются: 1) замена одного или нескольких лексических компонентов фразеологической единицы; 2) расширение фразеологизма за счет введения добавочных компонентов; 3) усечение фразеологической единицы;

4) контаминація фразеологізмів представляє собою об'єднання частей двох или более фразеологічних одиниць.

Рассмотрим одну из структурно-семантических трансформаций – замену одного из компонентов фразеологізма окказиональним вариантом: *Поплачься мне, майор, в бронезилетку* (В Семенов). *Но еда прошла навывлет...* (Семенов). *Понять хочу, по ком звенит будильник?* (Резник). *Лишь изредка я привстаю с диеты* (Н. Хозяинова). Такие замены узуальных компонентов «реанимируют» стершуюся внутреннюю форму (мотивирующий образ) ФЕ, повышает его экспрессивность. Новый, окказиональный компонент ФЕ тесно связан с контекстом, взаимодействует с ним. Здесь окказиональная ФЕ строится по модели узуального оборота. Часто происходит замена предикативной части пословицы или крылатого выражения: *Большому кораблю – большие в трюме крысы* (Н. Резник).

Еще один способ трансформации – расширение компонентного состава ФЕ. Расширение может происходить как за счет отдельных лексических единиц: *Он жил в тени померкшей славы* (Катя Шофнер), *И дом его был полной чашей... грязи* (Катя Шофман). *Перед законом Ома все равны!* (Семенов), так и словосочетаний и предикативных конструкций: *Засучиваю долго рукава... смирительной рубашки* (Н. Хозяинова); *О, холодильник! Лидер по просмотрам!* (Резник). *Стихи пишу не в стол, а сразу в урну* (Н. Резник).

Мы нашли в моностихах современных поэтов немало случаев контаминации устойчивых выражений, т. е. объединения частей, совершенно разных по смыслу: *Воздушных замков я не строю, только глазки...* (Н. Хозяинова): два фразеологізма (*строить глазки* и *строить воздушные замки*) объединены общим компонентом *строить*. *Тряхнули стариной. Посыпался песок...* (В. Семенов): фразеологізмы объединены семой 'старость'. *Исход семитов не всегда летальный...* (В. Вишневский) – слово *исход* объединяет два фразеологізма: *летальный исход* и *исход евреев из Египта*.

К эффекту обманутого ожидания может привести изменение структуры ФЕ: *Уж если я беру, то за живое...* (В. Вишневский). *Я в душу Вам?! Но я же недоплюну!..* (В. Вишневский). *Я гений. Парадоксы – лишь прикрытье...* (О. Арефьева). *Под шубой оказалась не селедка* (Н. Резник). *Продам дрова. Недавно наломала* (Н. Резник). *В лягушках вы, царица, были краше!* (Н. Резник). *Вы не дурак. Но, к сожаленью, только выпить* (В. Семенов).

В одностиших возможна дефразеологізация – такая степень трансформации, при которой в контексте отсутствует традиционная структура, постоянный лексический состав, обычные формы компонентов фразеологіческого оборота. Вслед за А. Г. Ломовым, мы считаем, что в современных одностиших разрушение фразеологізмів на структурном уровне предполагает 3 типа преобразований: I тип редукции ФЕ, II тип редукции ФЕ, III тип редукции ФЕ [3, с. 31].

При I типе редукции отсутствуют отдельные части, а оставшиеся компоненты сохраняют семантическую связь и свой нормативный словоупорядок: *Прости ж меня, что я объелся груш...* (В. Вишневский) – ФЕ *Муж объелся груш*.

При II типе редукции оставшиеся от оборота компоненты разбросаны в контексте. Отмечается глубокая трансформация фразеологізма: *Путь к сердцу на желудке оборвался* (Н. Резник).

При III типе редукции от устойчивого сочетания в контексте остаётся лишь одна лексема, но она способна передать значение (идею) фразеологіческой единицы. Здесь самого ФЕ как целостной единицы уже нет, а остался только общий

образ (аллюзия). *Такое время – страшно за собак...* (В. Вишневский) – намек на ФЕ *собаку съест*.

Распространенным приемом создания каламбура в моностихах является окказиональное использование партонимов (партитивов, меронимов) для выражения отношений между частью и целым. Партитивными отношениями поэт может связать самую неожиданную лексику или может после перечисления частей целого сделать неожиданный вывод о самом целом: *Вы как родной мне. Это же инцест!* (Катя Шофман). Выделенные слова объединяются архисемой «родственники»: *родной* – родовое понятие со значением ‘состоящий в родстве’, а слово *инцест* находится на периферии семантического поля и означает ‘половую связь между ближайшими родственниками; кровосмешение’. *«Ну я и сука!» – с грустью думала собака* (В. Семенов). *Собака* – ‘домашнее животное из семейства хищных млекопитающих, к которому относятся также волк, лисица и др.’ *Сука* – ‘1) самка домашней собаки, а также вообще животных из семейства собак; 2) простор. ‘стерва’; 3) негодяй, мерзавец, подлец’. Каламбур основан как на родо-видовых отношениях между словами, так и обыгрывании лексико-семантических вариантов слова *сука*. В моностихе *Давайте уважать в ноге Конечность!* (В. Вишневский) слово *конечность* является не только родовым понятием по отношению к *нога*, но и приобретает новое, неожиданное значение – ‘то, что имеет конец в пространстве, во времени; является осуществлением чего-л., завершением, результатом какого-л. процесса, цикла и т. п.’. *Расстёгивать – не значит раздевать!..* (В. Вишневский).

Многие каламбуры в моностихах построены на явлении омонимии: *Я в браке третий раз. Опять попался брак...* (Н. Резник). Языковую игру создают узуральные лексические омонимы со значениями ‘супружеские отношения’ и ‘несоответствие стандартам, изъян’. Наиболее интересными в одностихиях, на наш взгляд, являются окказиональные омонимы, в которых переосмыслению подвергаются отдельные фрагменты слова: *Вам садо-мазо? Ну садитесь, мажьтесь* (О. Арефьева) – пересмысливаются корневые морфемы слов *мазохизм* и *мазаться*. *Ах, как они Джордано Бруно костерили!...* (В. Семенов). Обыгрывается псевдомотивация слова *костерить* (‘сильно ругать, бранить’) от *костер* – ‘горящая куча дров, сучьев и т. п.’

Языковым средством создания каламбура в моностихах могут быть паронимы (*Уж лучше дверцей хлопать, а не дверью...* – В. Вишневский) и паронимазы: *Как говорится, победителей не сажают...* (Н. Резник). *Я сражена... Не наповал, но на пол* (Н. Резник). *Я к вам спешу. Чего же боле?* (Катя Шофман). *Все бабы – мой эректорат...* (В. Семенов). *Какое сфинкство египтяне развели!* (В. Семенов). *Он, наконец, проврался в депутаты...* (В. Семенов).

Иногда для создания каламбура авторы необычно сталкивают синонимы, часто используемые в прямом и переносном значении: *Застать Вас на работе – как застукать...; Я Вас не брошу, я Вас уроню..* (В. Вишневский); *Своя собака «делает дела», чужая – гадит; Ну, все целуют! Кто б облобызал?* (Н. Резник). Нередки антонимы и конверсивы, образующие фигуру антитезы: *А завтра вдруг окажется вчера; Мечтала сдуру стать ещё умнее; Хотелось бы чуть-чуть всемирной славы...* (Н. Резник); *Я бескорыстно вас люблю, но не бесплатно; Мужчинам легче забывать, а женщинам – не помнить...* – конверсивы (Н. Хозяинова); *Приятно в голых фактах быть одетой...; Блестящ твой ум. Жаль, дураку достался...* (О. Арефьева). Нередко они создают оксюморонные сочетания: *Мы – глубоко поверхностные люди!* (О. Арефьева); *Спешу на нашу встречу опоздать; Его я че-*

стно обманула (Катя Шофман). – *А не могли бы вы, мадам, молчать потише?* (В. Семенов); *Она была развратной старой девой; Как я смогла так точно промахнуться?* (Н. Резник); *Как трудно лежа противостоять...* (Н. Хозяинова); *Да, ты по-крупному умеешь мелочиться...* (О. Арефьева).

В моностихах мы наблюдаем большое количество логических каламбуров (зевгма), которые строятся на сопоставлении несопоставимых, с точки зрения логики, предметов, относящихся к разным семантическим полям. Нарушается логический закон тождества. Например: *Назавтра у меня истерика и шопинг* (Н. Хозяинова).

Прием «неожиданное включение» является источником создания комического эффекта. Пониманию каламбура способствует контекст. Актуализируется имплицитная информация, передаваемая с помощью аппликаций (реминисценций), текстовых аллюзий и эпитропов.

Одностишие Кати Шофман *Он счастья искал, нашел же только клад* отсылает к стихотворению У. Вордсворта «Я говорю, какое пробуждение...», содержащему следующие строчки: *Он не всегда бежал от нестерпимых, / Невыносимых пыток; но нередко, / Влекомый безмятежным наслаждением, / Он счастья искал, свободы, мира; / Затем, что в нашем счастье – ощущение.* Каламбур способствует литотизации повествования: трагический подтекст оригинала сменяется ироническим, чему, помимо аппликации, в немалой степени способствует столкновение в узком контексте слов *счастье, клад*, относящихся к разным семантическим группам. *Ум, честь и совесть как-то перегрызлись...* (В. Семенов) – моностих актуализирует прецедентное высказывание из статьи В. И. Ленина «Политический шантаж»: *Партия (большевиков) – ум, честь и совесть нашей эпохи.* В моностихе В. Вишневского *Вы что, пришли навеки поселиться?..* обыгрывается фраза Васисуалия Лоханкина из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова «Я к вам пришел навеки поселиться», а в другом одностишии этого поэта *И долго буду тем любезен я, и этим...* содержится реминисценция, отсылающая к известному стихотворению А.С. Пушкина «Памятник». *Уж полдень близится, а курса бакса нет..* (В. Вишневский) – реминисценция из «Пиковой дамы». *Российский рубль не роза, но увял... (И только доллар вечно зеленеет!..)* В. Вишневский – Суха теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет («Фауст» Гете).

Эпитроп является приемом указания таких фактов и деталей, которые дают адресату возможность самостоятельно прийти к определенному выводу относительно характеризуемого предмета. Эта фигура используется как прием косвенного сообщения, способ «сказать несказанным» [4, с. 40]. Эпитроп актуализирует фоновые знания адресата, которые противоречат информации, содержащейся в тексте: *Мне нужен муж. Хотя бы на полставки* (Катя Шофман) – значение слова *ставка* в контексте моностиха – размер заработной платы, оклад?; слово *муж* (супруг) обретает здесь иной смысл – ‘спонсор-любовник’. *Давно я не лежал в Колонном зале...* (В. Вишневский) – в Колонном зале Дома союзов в советские времена проходила панихида по умершим государственным деятелям высшего ранга. В одностишии смерть (‘прекращение жизни’) предстает как эпизодическое явление, а лирический герой иронически переоценивает свою роль в общественной жизни страны. *Зашел в читальню, где и был обстрелян...* (В. Вишневский) – библиотека в сознании людей, переживших «лихие» 90-е годы, явно не ассоциируется с бандитскими разборками. Другие примеры: *Стреляли в воздух. Промахнулись; В нем умер врач. И слава богу!; Признайте, доктор, нет меня скромнее* (Катя Шофман). *Целый день бродил по свету; – Ну хочешь, бабка, я тебя удочерю?; А я, уввы, всего лишь гений...; – Вам колыбельную сыграть на барабане? – По*

морде получили? *Распишитесь* (В. Семенов). *Ребята, две купюры допечатать!* (В. Вишневский).

Аллюзия является достаточно распространенным механизмом образования каламбура. Автор играет с читателем, который должен угадать прецедентный текст, стоящий за одним–двумя словами. Наиболее часто текстовая аллюзия встречается у В. Вишневого: *А той-то Вы сегодня на метле? Вы что, мужчина, Вы не из Ламанчи?..; Мы тоже не всего читали Шнитке!..; Три года вместе?.. Гиннеса ко мне!*

Выводы. В каламбуре присутствует намеренное использование лексических и фразеологических средств для создания игры смыслов, которая привносит в речь ёрнический стиль, яркое, свежее впечатление и, самое интересное, нетрадиционное восприятие действительности. Подвижность и скрещивание сигнификатов позволяет создать определенную, семантически закрепленную схему, а устойчивость содержания языкового значения помогает понять ее. Отличительной чертой каламбура как средства создания комического эффекта является намеренное создание языковыми средствами двоякого понимания какого-либо высказывания.

Библиографические ссылки

1. **Виноградов В. С.** Перевод. Общие и лексические вопросы : учеб. пособие / В. С. Виноградов. – М. : Кн. дом Ун-т, 2004. – 235 с.
2. **Гусейнова Т. С.** Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии : дис. ... канд. филол. наук / Гусейнова Татьяна Султанзиевна. – Махачкала, 1997. – 200 с.
3. **Ломов А. Г.** Проблемы фразеологической стилистики русского языка : лекции. – В 2-х ч. / А. Г. Ломов. Ч. 1. – Самарканд : СамГУ, 1982. – 58 с.
4. **Москвин В. П.** К уточнению понятия «аллюзия» / В. П. Москвин // *Русская речь*. – 2014. – № 1. – С. 37–43.
5. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Сов. энцикл., 1984. – 846 с.
6. **Скребнев Ю. М.** Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – Горький : ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.
7. **Хазагеров Т. Г.** Общая риторика : курс лекций. Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 320 с.
8. **Шанский Н. М.** Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.

References

1. Vinogradov, V. S. (2004), *Common and lexical questions [Obschie i leksicheskie voprosy]*, Moscow, 235 p.
2. Guseinova, T. S. (1997), *Transformation of phraseological units as a way to implement a newspaper expression [Transformatsiya frazeologicheskikh edinitz kak sposob realizatsii gazetnoi ekspressii]*, Makhachkala, 200 p.
3. Lomov, A. G. (1982), *The problems of phraseological stylistics of Russian language [Problemy frazeologicheskoi stilistiki russkogo yazyka]*, Samarkand, 58 p.
4. Moskvin, V. P. (2014), “To clarify the concept of "Allusion"”, *Russian speech* [“K utocheniju ponyatiya alluziya”], *Russkaya rech*], No 1, pp. 37–43.
5. Ozhegov, S. I. (1984), *Dictionary of Russian language [Slovar` russkogo yazyka]*, Moscow, 846 p.
6. Skrebnev, U. M. (1975), *Digest on the theory of stylistics [Ocherk teorii stilistiki]*, Gorky, 175 p.
7. Hazagerov, T. G. (1999), *General rhetoric: A course of lectures. Dictionary of rhetorical devices [Obschaya ritorika. Kurs leksii. Slovar` ritoricheskikh priyomov]*, Rostov-on-Don, 320 p.
8. Shansky, N. M. (1985), *Phraseology of modern Russian language [Frazzeologiya sovremenogo russkogo yazyka]*, Moscow, 160 p.

Надійшла до редакції 14.02.2017